

Кристиан Бэг

12+

The book cover features a dark background with a large, light-colored maple leaf silhouette in the center. Inside the leaf, a hand is shown with a cracked palm. Below the leaf is a white silhouette of a city skyline. A full moon is visible on the left side. The title 'АПОКАЛИПСИС' is written in large, textured, 3D-style letters across the bottom. The author's name 'Кристиан Бэг' is at the top, and the age rating '12+' is in a circle on the right. The subtitle 'открывается' is at the bottom in a cursive font.

АПОКАЛИПСИС

открывается

Кристиан Бэд

Апокалипсис откладывается

«Автор»

2017

Кристиан Бэд

Апокалипсис откладывается / Кристиан Бэд — «Автор», 2017

Вениамин работает в газете редактором литературного отдела. Бегает от графоманов, пишет мемуары, терпит притеснения жены. Но в один прекрасный день выясняется, что он и есть бог. И если он срочно не начнёт творить чудеса – мир погибнет. Вернее, всем кажется, что мир погибнет без бога. Ах, если бы всё было так просто...

© Кристиан Бэд, 2017

© Автор, 2017

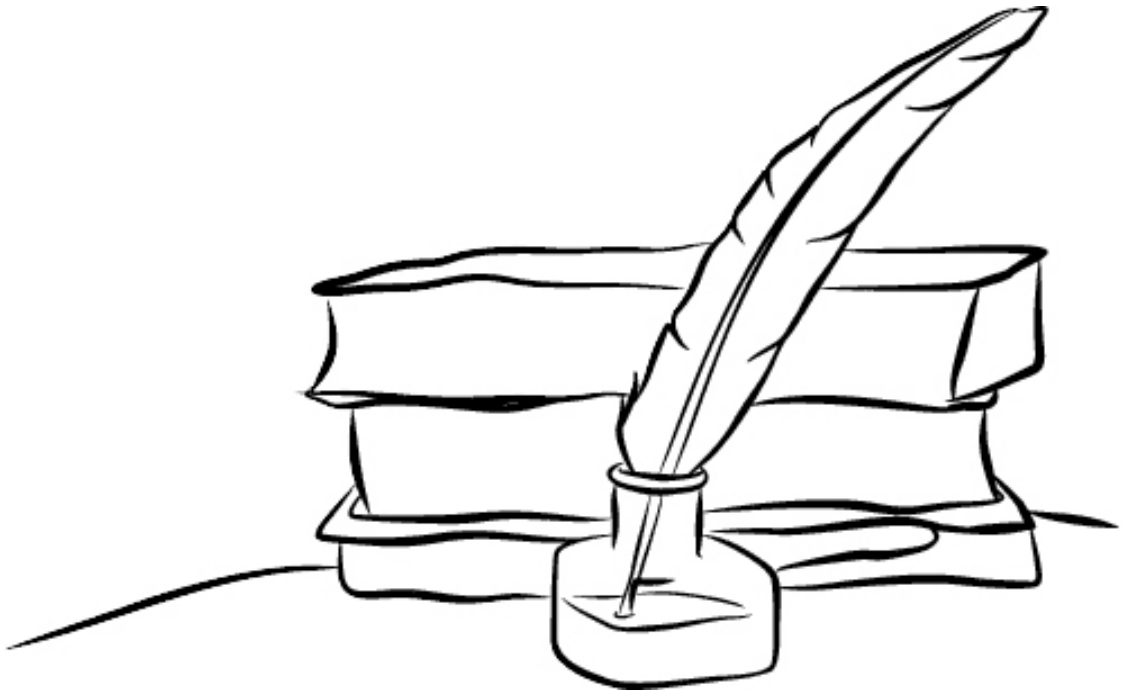
Содержание

Пролог	5
Глава 1. Такая разная смерть	6
Глава 2. Если рукописи не горят – остерегайтесь полиции времени	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кристиан Бэд

Апокалипсис откладывается

Пролог

Коричневый жирный дождь снился Вениамину. Отвратительный, медленный дождь. Капли ползли по оконному стеклу, и кто-то невидимый тряс его за плечо и кричал в ухо: «Кровь, кровь! А все говорят, что машина, матрица! Но вся матрица – в крови!»

И тут Вениамин проснулся.

Было обыкновенное утро.

И никакого дождя.

Глава 1. Такая разная смерть

Мне кажется, эту историю следует начать с того, как я умер.

Я умер.

Случилось это на операционном столе под чутким руководством хирурга, ковырявшегося в моей печени. Сначала я, как и все окружавшие меня, не осознавал происходящего, лежал безмолвно и был подобен бревну, недоеденному на обед кворстром. Кстати, о кворстрах... О, простите, я постараюсь не отвлекаться.

Итак, пока садист хирург пытался заштопать дырку, просверленную в моей печени, я вдруг пришёл в себя.

Это было как бросок из чёрного мрака в красный. Мне показалось, будто в меня вместо крови вкачали пять литров свинца! Глаза не открывались. В ушах – дум-дум – наяривали в барабаны дикари. Сердце растягивало артерии, пропихивая в них свинец. Казалось, оно вот-вот лопнет от натуги. Ещё немного – и я, наверное, сошел бы с рельсов или разлетелся на тысячу осколков... Но вдруг всё закончилось.

Я открыл глаза и увидел себя как бы со стороны: лежу весь белый от простыней и потери крови, а красномордый хирург целит куда-то внутрь блестящими ножницами.

Тогда я поднялся повыше, чтобы охватить взглядом всю панораму событий, а потом ещё выше, ещё... И лишь тогда понял: а ведь это душа моя отделилась от тела и сейчас вроде как озирает окрестности.

Растерявшись, я завис под потолком и снова глянул вниз. Надо мной уже суетились мымры в белых халатах, что-то орал разлучённый со скальпелем хирург. Голосов я не слышал – и слава богу. Иначе золотая мысль о свободе пришла бы мне в голову значительно позднее.

Нет, вы понимаете, я был свободен! Они все остались там, внизу: и садист, и мымры, и фараон под дверью палаты. Ведь, честно говоря, в больницу-то я попал прямо из академии. Только не той, где учат, а той, где лечат. (От болезни присваивать чужие деньги.)

Однако вернёмся с грешной земли на небо.

Мысль о свободе наполнила меня такой лёгкостью, что я взмыл сквозь потолок. Но как только я потерял из виду своё безжизненное тело, меня вдруг со страшной силой закрутило, небеса разверзлись, и я оказался в серо-прозрачной трубе на манер канализационной. (Слава богу, запахов я не чувствовал.)

Впереди замаячил свет... И вдруг толстый бородатый мужик в распашонке и белом чепчике выплыл из него, махая на меня руками! Если бы у меня было сердце, тут оно окончательно ушло бы в пятки.

Мужик протянул ко мне руки и сказал, но не голосом, хотя губы зажевали под усами:

– Заблудшая душа, – сказал он, – забудь всё, что было с тобой и кем ты была раньше!

«Да с удовольствием, – подумал я. – Однако что же ты хотел этим сказать?»

Мужик схватил меня за то место, где раньше была рука, и потащил к свету. И как прикажете сопротивляться, когда невозможно ни пнуть, ни крикнуть?

Труба, по которой мы двигались, выходила в огромный застеклённый вестибюль, утыканный такими же трубами. Голову я повернуть не мог, но видел, словно бы всем телом, как трубы то темнели, то наполнялись мигающим, неуверенным светом. И вот одна из них засияла на полную мощность, и оттуда выплыл ещё один бородатый тип в распашонке, чепчике и слюнявчике, увлекая за собой нечто бледное, мутное и полупрозрачное.

Я понял, что выгляжу сейчас примерно так же, и машинально сделал такую же тупую и довольную рожу, как у моего собрата по положению. Почему я так поступил, сам не знаю. Наверно, сказала моя природная склонность к надувательству.

С этой глупой физиономией я проплыл за мужиком по вестибюлю, а потом изображал из себя идиота в маленьком кабинете, белом от лежащих кругом стопок бумаги и канцелярских папок. Там к моему пленителю присоединился второй бородач, менее толстый, но более губастый, и они меня вместе долго просвечивали, обмеряли и взвешивали, внося мои цифры в десятки квитанций, приказов и накладных.

Потом толстый, тот, что, собственно, и привёл меня сюда, торжественно возложил мою пачку бумаг на середину стола, поверх других таких же пачек, поправил слюнявчик и торжественно изрёк:

– Боюсь, это душа неисправимого мошенника и вора. Пошлем её на Аволон, чтобы дать ей последний шанс исправиться!

– На Аволон мест нет, – причмокивая, сообщил губастый.

Выглядел он при этом так, словно только что это место съел.

– Как, – удивился толстый, – ведь ещё сегодня утром...

И тут они начали спорить. Конечно, я не понял и половины здешних бюрократических тонкостей, но и так было ясно, что губастый как-то надул толстого.

– А по акту-то, по акту? Кто проводил регистрацию? – возмутился толстый, размахивая накладными. – Вот же два места!

– Льготники, – беззастенчиво врал губастый.

– А на оставшийся двенадцатый дубль два? – толстый потел.

– Проходящие по дубль два места отдаём только очередникам. – Губастый ловко подменил листы. – Только из уважения к вам могу поставить на льготную очередь. Дадим в течение трёхсот лет.

– Совести у тебя нет, – сдался толстый.

– По миллиону ждут. – Губастый хмыкнул и стал собирать разбросанные по столу документы. – А пока пошлём его на Карастру.

– Пошлём на Карастру, – согласился машинально толстый. Но потом до него вдруг дошло. – Куда?! – завопил он, надувая диатезные щёки.

– Не понимаю, что вас не устраивает? Климат вполне подходящий. Есть, правда, ещё вакансия на Идород...

– Нет уж, лучше на Карастру, – сдулся толстый.

«Ладно, – думаю, – на Карастру так на Карастру. Это, в смысле, на сколько лет?»

Но спросить боюсь. Стою с глупой рожей. А они подводят меня к двери и – бац! Как в угольный мешок.

Очнулся – в глазах муть, кости болят... И чувствую – кто-то меня тащит. Я глазами хлоп-хлоп, рук поднять не могу...

Кое-как пригляделся – матушки мои! Склонилась надо мной такая рожа – во сне не при-снится! Зубищи – во! Глазами треугольными вращает...

Я как заору. А из горла, верите – нет, рёв, как у динозавра из познавательной программы про мезозойскую эру. Я так и обмер. Чую, хана мне. В глазах почернело, но как-то я всё-таки от страха не помер.

Очнулся во второй раз. Огляделся немножко... Лежу, скажем так... в гнезде. Вокруг меня этикие... э-э... овальные шары. Только я с пейзажем пообвыкся, вдруг – крак! Шарик треснул, а из шарика – морда зелёная, зубы – во! И тут опять сверху рожа: «Угук, угук» – и этого из яйца тащит. А второе яйцо – крак!

Изловчился я, посмотрел на свою руку и всё понял. Лежу я – сам зелёный среди таких же зелёных, и шараться мне от них в общем-то нечего. Вспомнил я, как мамаша говорила мне в детстве что-то про душу. Вот оно, значит, как. Душа-то и вправду бессмертная, получается. Только никакого рая нет и ада нет. А лежу я сейчас – тьфу! – мерзость зелёная.

Тут мамаша ко мне: «Фыр, фыр». Поди, тоже себя за разумную считает. Ну и я ей: «Фыр, фыр». А она радуется, зубами щёлкает, лапами когтистыми плещет, а крыльев нет у неё – даром что яйца несёт.

Мне бы на лапы встать – не слушаются лапы. А тут папаша пришёл. Голова между ног болтается, в гнездо сунулся – все сучья разнёс. Ну, ясно с папашей. Пьяный папаша пришёл, корешков каких-то местных нажевался.

Потом я узнал, что есть такая планета: на ней озёра, моря – всё из спирта. Местные только и живут тем, что прикладываются. А тут... То ли в генах что-то остаётся?

В общем, мама – на папу, я – на лапы: ходить учиться надо.

Месяцев через шесть я уже и язык их изучил, и по пещере шнырял. Скучная, скажу я вам, пещера – украсть нечего. Всё пропивал папаша. В гости тут ходить не принято, но я влез как-то. Вот живут – пол ровный, сучья каждый год меняют. А знаете, почём сейчас на барахолке сучья?

Подросток я, пошёл я учиться. Школ тут нет. Поступаешь сразу в вуз. Перед поступлением – конкурс. Набирают, допустим, сорок ящериц. Претендентов – сто. Ну и по конкурсу проходит тот, кто больше даст на лапу. Так что по милости папаша о престижной профессии я и мечтать не смел. Соседи, конечно, устроились – кто сучьями для гнёзд торговать, кто сразу экзамены сдал на заведующего по алкогольным корешкам...

Выбрал я самую доходячую специальность. Называлась – «инженер по обмеру звёздных волков». Недобор там был.

Учатся здесь так. Первую взятку даёшь при поступлении, проходит она типа аукциона. Допустим, начальная цена за проходной балл – 10 ганей, кто больше? (Ну, у нас-то цены, конечно, были пожиже.) Затем взятки давать нужно два раза в год. Это зимняя сессия и летняя. Не уложился, не дал в сессию, и прощай вуз. А без специальности и вообще хана. Один путь – в тайгу. Бесплатные лекции туземцам читать, пока с голоду не издохнешь.

В общем, закончил я кое-как. Дало мне государство местечко и гнездо, хоть и плохонькое, но своё, без папаша. Одно худо: на работу придёшь – обязан свои 8 часов в сутки спать и ни к кому не лезть. А я с этой учебкой такой нервный стал – не спится! Сослуживцы, твари зелёные, в суд на меня подали: мол, дисциплину трудовую нарушаю. И присудили мне исправительные работы на срок до двух лет в качестве экскурсовода по инопланетным специалистам. Я вначале не понял, почему до двух лет. Но потом...

Надо сказать, что у нас, карастрян, есть национальная черта: непереносимость внешнего вида гуманоидов. Я как-то сначала с гуманоидами не столкнулся – возил разумных удавов по соляным копиям. И вот месяца через три приводят ко мне экскурсантов – головёнки круглые, розовые, мерзкие, губы вывороченные, цвета сырого мяса, пальцы, как черви, шевелятся. В общем, как увидел я их, зашел за угол, обрыгал стенку. Но работа есть работа. Вернулся. Кожа тонкая, как бумага, белая... Бр-р.

Вожу я их день, вожу другой... Есть ничего не могу.

Один у них был лысый такой, вечно везде лез. Привели его на завод по переработке информации. Правительство наше выписывает с других планет массу прессы. (12 миллионов наименований.) Все газеты незамедлительно поступают на такого типа заводы, где из них делают туалетную бумагу. Причём важность и оперативность новостей играет формообразующую роль. Газеты с выборами президента, войнами, переворотами идут исключительно на нужды правящего гнезда. Я, значит, объясняю всё этим лысым осьминогам, и тут тот толстый тошнотворный тип протягивает кишасщее червями щупальце, хлопает меня по плечу, сдирая мох, который растёт между пластинами внешнего скелета, и говорит:

– Бедняги, что ж вы чистую бумагу-то не выписываете?

Меня от омерзения передёрнуло. Пасть сама собой хлопнула, и голову я ему откусил.

После этого инцидента остаток срока с меня, слава богу, сняли. И даже дали премию за «нарушение служебного долга во имя поддержания политического престижа правительства».

Мне бы продвинуться по службе, но с этими туристами я потерял аппетит и перестал расти. А у нас как говорят: вырос из должности – дадим другую.

Но с работой всё-таки повезло. Устроился на заготовку сучьев. Делается это так: рубишь дерево, привозишь на завод, его измельчают в порошок и по готовым формам отливают сучья. Легко и просто. Там я и умер во второй раз – бревном придавило.

– Вениамин! – донеслось из кухни. – Вынеси ведро!

Веник отложил паркер и спрятал тетрадь. Супруга просто так не отвяжется. Похоже, свою прошлую жизнь она провела на планете чистюль – Моралисе. Неплохая в общем-то женщина, такая помесь стиральной машины, пылесоса и кухонного комбайна.

Громадная мужеподобная супруга Веника отзывалась на нежное имя Дина, с ударением на первом слоге, а не на втором, как ей больше бы подошло.

Дина́ма ты моя,
Дина́...
Машина, в смысле.

Дина нарочито громко и свирепо гремела на кухне посудой, потому что Веник опять занялся никчёмным с её точки зрения делом – писаниной своей. Когда Веник задумал написать краткий обзор всех своих сорока восьми жизней, меньше всего он ожидал, что встретит главное препятствие в лице жены.

Сегодня предстояло ещё одно неприятное дело – редакционная планёрка. На прошлой планёрке Лысый-Бритый с Аяса пытался и его, Веника, припахать на служение народу в рамках борьбы с юбилеем дорогой газеты. Ох уж этот юбилей! И ох, как бы это объяснить тому же Лысому-Бритому, что не люди для юбилеев, а как бы наоборот. И если так напрягаться, то кому вообще нужны все эти юбилеи? Техничкам да верстальщицам? Все остальные уже, пардон, наелись...

– Вениамин! – тоном выше провозгласила из кухни жена.

Он вздохнул. Да, а ведь лет 50 назад он до судорог рад был снова очутиться на Земле. Возможно, даже и жизнеописание ему следовало начинать не с фактического начала блуждания из тела в тело, а именно с предпоследней жизни на Психотарге, где он наконец познакомился и с себе подобными, и с полицией времени. И с мест паломничества в Мантейге, где...

Веник замер. Даже сама мысль о воспоминаниях того времени пугала его. Неужели он найдёт в себе силы описать и это?

– Вениамин! – На этот раз команда сопровождалась грохотом и дребезжанием эмалированной миски.

Веник вздохнул и направился на кухню за мусорным ведром.

Вторая жизнь Веника, то есть фактически третья его жизнь, была скучной и серой. Он родился на туманной планете озёр и каналов, название которой постепенно стёрлось из его памяти. Если считать какую-то жизнь наказанием, то, пожалуй, такую – мокрую и тягучую.

Вечная влага на коже и туман в мозгах. Вечная скудная безвкусная еда. Планеты ада, с огнем и серой, и то понравились ему больше. Там, по крайней мере, бурлила жизнь – опасная, огненная, но застоём мыслям и чувствам не угрожавшая.

Умерев на планете туманов, Веник возродился к телесной жизни в весёленьком глуповатом мирке с громким именем Диотерия.

Диотерцы были запасливы, пугливы, превыше всего ценили традиции и порядок в своих чистеньких городах, а любое новое событие могло вызвать у них серьёзную болезнь с температурой, тремором и воспалением мозга.

Диотерцы не признавали перемен и вымерли бы, однако каждое их поколение в самом юном возрасте очень короткое время могло-таки откликаться на новое. Психологи называли это время периодом бунта. Бунт очень быстро заканчивался, но молодежь успевала сформировать несколько иную, отличную от родительской, мораль. И тогда в городке начиналась борьба нравов – единственный для диотерцев двигатель прогресса.

Потом Венику наконец повезло, и его забросило на Иприт – пятую из девяти планет системы ада. Надо сказать, что жители всех планет ада отличались неуязвимостью, приспособляемостью, невосприимчивостью к болезням и прочее, прочее, прочее. Само собой, что народонаселения на Иприте развелось – чихнуть некуда. Жили все в страшной нищете, однако даже уморить себя голодом рождённым на планетах ада удавалось с огромным трудом. Поэтому правительство Иприта играло с многочисленным населением в страшноватенькие лотереи под лозунгами: «Сожги себя ко Дню города, и родственники получают компенсацию!», «Кто на праздник весны положит на алтарь Веры больше сушёных голов своих сограждан?!», ну и так далее. Жить на Иприте было опасно, но весело. В тебя могли выстрелить из-за угла, жена могла поприветствовать поутру ведром кипятка в постель. Но боли ты не чувствовал, разве что функции тела нарушались и на какое-то время приходилось выходить из игры. Существовал и серьёзный риск, что кому-нибудь из соседей достанется-таки твоя сушёная голова, но он был не больше, чем риск быть сбитым машиной или задушенным маньяком на планетах попримечнее.

Обычно, чтобы пописать на досуге, Веник поднимался с рассветом. В семь пробуждалась и жена, нарушая прелесть сладких утренних часов грохотом посуды и собственным дребезжанием. Тогда Веник быстренько выдвигался в редакцию, чтобы, засев в своём кабинете, уделить ещё несколько минут неспешным размышлениям о пользе спокойной человеческой жизни, а теперь и своим запискам тоже.

Но это утро было безвозвратно испорчено – редактор решил наконец вспомнить про отдел поэтического творчества и затребовал перспективный план на полугодие. Пришлось взять из папки замурзанный листок с фамилиями поэтов, печатаемых обычно любимой газетой, и, пробежав его глазами, выбрать десяток особо не раздражающих. Потом добавить туда имя единственного «маститого» и сочинить фамилию в рубрику «Молодые дарования».

«Молодыми дарованиями» редактор вдруг всерьёз заинтересовался.

– Петрецкий, Петрецкий, – забормотал он, словно вспоминая. – Это тот, чернявый, из университета?

– ?

– Ну, вы о нём рассказывали как-то на планёрке? – помог главный Венику.

– Ах да, рассказывал, – вынужден был вяло согласиться тот. – Очень перспективный молодой человек.

– Кстати, вас ждёт уже в кабинете один, тоже, видимо, очень перспективный, – хихикнул главный. – Не буду задерживать.

Скудный старый кабинет выглядел празднично – солнечные лучи вызолотили его, смягчили давние потёки на обоях, задекорировали несвежую краску. Однако ожидающего Веника посетителя солнечные лучи словно бы огибали.

Посетитель был серый, обтёрханный, видимо, поэт.

Поэт поводил носом – по коридору уже струились запахи, предшествующие открытию столовой. Неплохой столовой, чего нельзя было предположить о стихотворце.

Веник ёрзнул лоснящимися уже брюками по сидению и начал протирать очки, пытаясь на вид определить: стоит ли читать очередную писанину или таки не стоит. По всему выходило, что не стоит. Веник тяжело вздохнул, предчувствуя долгую мутотень с очередным графоманом, и, прячась от его голодного, ищущего взгляда, уткнулся-таки в рукопись.

Стихотворение начиналось «О время, время...». Веник вздрогнул. Что этот празднописец знает о времени?

– Глубокая тема, – сказал он, внимательно изучая, как крепится к карнизу штора. – Но уверены ли вы... – Веник перевел взгляд на ржавую скрепку, удерживающую желтоватые листки, глубокомысленно оценил год выпуска машинки, на которой был напечатан текст. – Уверены ли вы, что читатель хочет, чтобы мы с вами говорили сегодня о времени? Актуальна ли тема времени в наш сиюминутный век? – Веник нащупал мысль и с удовольствием отложил в сторону рукопись-машинопись. – Вы знаете, почему так мало сейчас толстых философских романов? Где Лев Толстой? Где Достоевский наших дней? Наши с вами современники не успели ещё осмыслить глобально события последних десятилетий. Мы ведь пережили не просто смену власти, мы пережили смену формаций. Из феодализма в капитализм – это ведь не делается в 20 лет. Время коварно... – Веник вздрогнул, ощутив спиной холодок: «А вдруг этот, обтёрханный...» – Да что романы, даже поэм сейчас не пишут. Не идёт. Время тормозит. А вы его – под уздцы. Может, следует как-то проще? О минута! О секунда, например? Вот это и будет современно, востребовано...

Поэт слушал.

Заглянул Свиныин из сельхозотдела. Вид у него был донельзя серьёзный и озабоченный: пришёл звать на партию в недавно освоенные им нарды. Веник глянул на Свиныина. Посетитель тоже глянул.

– Очень занят? – спросил Свиныин.

Веник посмотрел на посетителя по-доброму.

– Мы в общем-то договорили. Вы ещё чуть-чуть рукопись подработаете, я ещё раз посмотрю...

«Вахту надо предупредить, чтобы не пускали».

Посетитель стал обречённо собирать рассыпанные Веником в пылу красноречия листки. Веник встал, поторапливая визитёра, и ни он, ни даже сам поэт, кажется, не заметили, что один, заглавный лист рукописи, тот самый, что начинался фразой «О время, время...», случайно остался на столе.

Веник вышел и запер дверь кабинета на ключ.

Глава 2. Если рукописи не горят – остерегайтесь полиции времени

О время!
Конус, уходящий в бесконечность!
Мгновенья лопаются мыльным пузырьём.
Мы ждём прыжка от времени сквозь вечность,
А кольца выгорают каждым днём.

О время – быстротечная неспешность!
Всегда – стрелой, но тут же снова в круг...
Найду ли я в тебе земную нежность

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.